

ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ ПЛАТОНОВ

кандидат исторических наук, ведущий библиотекарь Научной библиотеки, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)
*researchers@mail.ru***КАРГОПОЛЬСКИЕ ЧАСОВНИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА
(по материалам описи 1752–1756 годов)**

В статье представлен анализ архивного документа, содержащего сведения о часовнях Русского Севера в середине XVIII века. Проводится сравнение имеющейся информации с аналогичными данными конца XVII века, делаются выводы об изменениях, произошедших в религиозном быту северной деревни в первую половину XVIII века.

Ключевые слова: часовни, Русский Север, церковная реформа, православие

Исследователи деревенских святынь Средневековья и Нового времени постоянно сталкиваются с рядом затруднений, одним из которых является скудость письменных источников, в особенности – источников, сопоставимых по содержанию представленного в них материала. В связи с этим каждый документ, проливающий свет на повседневный религиозный быт сельского населения, представляет немалую ценность с точки зрения исторической этнографии [14; 148], позволяя проводить сравнения с более поздним этнографическим материалом [16], [17]. Один из таких документов хранится в Государственном архиве Новгородской области и содержит перепись часовен Каргопольского уезда, составленную около 1752–1756 годов [2]. Переписью охвачены всего 22 часовни, однако, опираясь на новые данные, представленные в нем, можно наметить тенденцию изменений, произошедших за первую половину XVIII века в религиозном быту севернорусской деревни.

В конце XVII века деревенские часовни, находившиеся до этого времени почти в безраздельном владении сельской общины, были поставлены под контроль епархиальной власти усилиями первого Холмогорского архиепископа Афанасия (архиепископ в 1682–1702 годах). Стремление Афанасия к централизации власти вызвало ряд реформ, коснувшихся как приходской системы Русского Севера, так и часовенных приходов – особых социальных образований, характерных для этого региона [12; 224–232].

Первой мерой, принятой в целях ослабления часовенного прихода, стало его экономическое подчинение. В связи с этим в 1692 году была проведена подробнейшая перепись часовен епархии, в которой были учтены часовни со всем находящимся в них имуществом, в том числе деньгами, воском, хлебными запасами, расписками о займе из часовенной казны, землями и пожнями, пожертвованными прихожанами часовням [1]. Все средства, находившиеся при часовнях, были отобраны в епархиальный казенный приказ и пер-

воначально предназначались для постройки каменного собора в Холмогорах. Кроме того, к концу XVII века было совсем запрещено содержать при часовнях «денежную и хлебную» казну «для того, что по указу Великого Государя и по грамотам церковным казны нигде ни на какие церковные строения держать не велено» [12; 255].

Отсутствие более или менее постоянного дохода, который скапливался годами в часовенной казне и расходовался на починку часовни, украшение, покупку свеч и плату священникам, приводило к тому, что средства на поддержание часовни должны были единовременно выделяться часовенным приходом. В условиях жизни малоименных северных деревень (у 273 часовен из 434, согласно переписи, находилось от 1 до 9 дворов, и только у 77 – от 10 до 30 дворов, большей частью 10–12) такие траты могли себе позволить далеко не все хозяйства.

Вскоре после переписи часовни были обложены «часовенным сбором», собираемым в архиерейскую казну: на 1696 год такой сбор платили с 518 часовен Важской и Устьянской волостей [12; 337], причем налог собирался в несколько этапов. Сборщики архиерейской дани часовенную часть брали из церковной, приходской казны, у церковного приказчика, который должен был впоследствии взыскать эту сумму с часовенных приказчиков и прихожан, «а на ослушниках доправить неотложно» [12; 251]. Такое положение вещей было выгодно не только архиерейской казне, но и церковным приказчикам, в руках которых сосредотачивались часовенные деньги и которые могли, по выплате необходимого оброка в пользу казны, с лихвой добрать средства на приходских часовнях.

Первоначально, по-видимому, сумма была фиксированной и составляла 6 алтын и 4 деньги в год, но в 1701 году в наказе сборщику дани дьяку Даниилу Лебедеву преосвященный Афанасий ввел другую систему: «... часовни обложить данью по рассмотрению, смотря по часовни, и по строению, и по приходским при тех часовнях

людем, а менши 2 алтын и 10 денег скудных часовен не окладывать... а прежний оклад, да то, что сбирано по 6 алтын по 4 денги с часовни, без разбору оставить», то есть более не взимать [18; 22–23].

Помимо изменений в приходской жизни, инициированных первым Холмогорским архиепископом, на перемены в религиозном быту северной деревни повлияла и государственная политика в отношении церкви. Первая половина XVIII века ознаменовалась рядом указов, направленных на изменение и ограничение религиозных практик, сложившихся на протяжении XVII века в городах и селах.

Указ Петра I 1707 года и синодальный указ от 28 марта 1722 года, запрещающий строить новые часовни и предписывая разобрать старые, одной из своих целей имел привлечение прихожан в церкви, «понеже во градах и селех обретается и кроме часовен довольно церквей, для славословия Божияго имени, правильно созданных и посвященных». Православных христиан Синод увещевал: «...снабдевать потребами, без которых быть невозможно, приходскую свою церковь по возможности и в ней служащих священников и прочих причетников, яко всегдашних молитвенников о своих прихожанех, такожде не презирать убогой своей (паче же Христовой) братии» [6; 156–157]. Иконы и часовенную утварь предписывалось отдавать монастырям и церквам, в первую очередь приходским или нуждающимся в восстановлении [6; 157]. Так, в том же 1722 году иконы, утварь и книги из ряда часовен Новгородской епархии были переданы священнику Ивану Петрову в Николо-Дворищенский собор, пострадавший незадолго до этого от пожара: всего в собор поступило имущество около 20 часовен. С тех священников, в приходах которых часовни не были разобраны, взимался штраф [3].

Однако сопротивление крестьян выполнению указа было настолько сильным, что вскоре пришлось изменять и корректировать политику в отношении часовен, чему способствовал доклад пятого Холмогорского архиепископа Варнавы Волатковского (архиепископ в 1712–1730 годах). В донесении, присланном в конце 1726 года вместе с рапортом об исполнении указа 1722 года, Варнава упоминал о большом количестве крестьянских просьб о возобновлении часовен, после чего решением Синода от 5 мая 1727 года неразобранные часовни было приказано оставить, а «которые и разобраны, а будут просители, чтоб их паки возобновить и взятые из тех часовен святые иконы отдать», разрешить выстроить вновь, отдав рассмотрение этого вопроса в ведение епархиальных архиереев, а в синодальной области – Духовной дикастерии, «не утруждая о том впрядь Святейшего Синода» [8; 551–552].

Впоследствии контроль за часовенным строительством все более ослабевал: в 1734 году с под-

тверждением запрещения новых построек он был поручен духовным и светским управителям, которых назначал архиерей [9; 227–228], а с 1738 года – благочинному [10; 169]. В этот период, как показывают более поздние переписи часовен, большинство построек возводились крестьянами самостоятельно, без уведомления благочинного и даже приходских священников, которые, впрочем, фактически поддерживали инициативу крестьян и почти никогда не сообщали добровольно епархиальному начальству о самовольных постройках.

Таковы были обстоятельства, немало повлиявшие на религиозную жизнь северных деревень, что отразилось в материалах описи 1752 года. В документе не указано, в связи с чем была проведена работа по обследованию построек: дело предваряет промемория от 4 ноября 1743 года, однако она посвящена совсем другому вопросу – злоупотреблениям управляющих в монастырских вотчинах Иверского монастыря, и к часовням отношения не имеет.

Структура этой описи несколько отличается от схожей переписи 1692 года. Ни в одном описании не указана конструкция часовни и ее размеры, переписчиков интересовали только иконы и утварь, хранящиеся внутри. В небольших предварительных пояснениях отмечалось название деревни, расстояние ее от приходской церкви, повод и время постройки часовни, ее посвящение, а также особенности функционирования в указанный период. Для 13 часовен указан год постройки – с 1710 по 1756-й, при этом 10 из них возведены (отремонтированы) после 1727 года – с 1730 по 1756-й, то есть после доклада Варнавы и отмены решения о сносе часовен. Время постройки остальных девяти часовен не указано, отмечено лишь, что «построена в прошлых давних годах, а в котором имянно году, и колико минуло лет, и с чьего позволения построена, о том за неизменением летописи показать не по чему» [2; 5] или «построена в прошлых давних летех, а в котором году за давностию и справиться, и показать не по чему» [2; 11]. Эти формулировки позволяют предположить, что указанные часовни относятся к постройкам второй половины – конца XVII века. Шесть часовен возобновлены на старом месте вместо ветхих построек, 7 построены для прекращения падежа скота и одна по обету двумя братьями, Саввой и Козмой Иконниковыми. Таким образом, при возведении часовни обет по-прежнему оставался главной причиной, как и в конце XVII века (172 обетные часовни из 434).

Так же, как и в XVII веке, некоторые часовни строились не только в деревнях, но и неподалеку от поселения, в бору, «где крестьянскому скоту... в летнее время пригон имеется» [2; 14], или находились во владении нескольких деревень и были выстроены для освящения стад (служба 23 апреля – в день вмч. Георгия) [2; 16 об.].

Часовни по-прежнему сконцентрированы вокруг приходских церквей – 13 из них находятся не далее 3,5 версты, 5 расположены в 5 верстах, две в 6–7 верстах и две в 20–25 верстах от церкви. Во всех часовнях, кроме двух последних, службы в праздничные дни проводил приходской священник с причтом, в самых же удаленных – деревнях Дураково и Пушлихте – праздничные службы, а также вечерни, утрени и часы отправляли знающие грамоту крестьяне по новоиспавленным книгам [2; 25–26]. Как правило, служба происходила раз в год, только в часовне деревни Хачелской во имя патр. Модеста служили трижды – 18 декабря на память Модеста, 11 февраля на память Власия и 2 июля на память Смоленской иконы Богородицы. Все три праздника связаны с покровительством домашнего скота.

Посвящения часовен также достаточно традиционны:

Георгию	4
Петру и Павлу	2
Модесту патриарху	2
Параскеве Пятнице	2
Модесту патриарху и Варваре	1
Борису и Глебу	1
Власию и Анастасии	1
Вознесению Креста Господня	1
Животворящему Кресту	1
Илье-пророку	1
Онуфрию Великому	1
Преображению Господню	1
Рождеству Иоанна Предтечи	1
Святому Духу	1
Флору и Лавру	1

Не отмечено посвящения часовен св. Николаю, составляющего безусловное большинство среди посвящений конца XVII века; несомненно, что часовни были перепосвящены. Из 22 часовен описи только две надежно соотносятся с часовнями переписи 1692 года – в деревнях Грихневской и Окатовской [1; 152, 165], [2; 5, 11]. В то время они были посвящены Георгию и Николаю Чудотворцу соответственно; первая выстроена по обету от падежа коней, вторая – по обету без указания причины, в каждой находилось по одной праздничной иконе. Ныне же первая оказывается посвященной Онуфрию Великому, вторая – апостолам Петру и Павлу. Что касается икон, то в каждой из часовен отмечено по 21 иконе различных святых, а также лампы, деревянные подсвечники, пелены, украшающие иконные полки и книги.

К новым чертам можно отнести появление посвящений во имя иерусалимского патриарха Модеста, Модеста и Варвары, а также Онуфрия Великого: в конце XVII столетия не только посвящений этим святым, но и икон с их изобра-

жениями в часовнях не было (одно изображение св. Варвары присутствует в многофигурной композиции на иконе в часовне деревни Ромашенской [1; 280]).

В описании имущества исчезают упоминания о хлебных амбарах – как говорилось выше, в начале XVIII века держать хлеб и деньги при часовнях было запрещено указом Петра I; отсутствуют свечи и воск, а также пивные котлы, часто встречавшиеся в часовнях конца XVII века. Отсутствие свеч и воска объясняется рядом указов, запрещающих вести торговлю свечами частным лицам и продавать свечи где-либо, кроме церкви. Один из первых именных указов был принят 28 февраля 1721 года, согласно ему повелевалось «дабы при коейждо церкви един был для продажи свеч приставник, понеже мнози бивают при церквах продающие тыя, с получением не церкви, но себе прибитка». До этого свечи продавались в свечных лавках купцами, которые их изготавливали и рассылали в те места, где свечных заводов не было, приобретались перекупщиками и продавались с рук около церквей во время праздников. Свечной доход предполагалось отдавать на устройство при церквах богаделен для прокормления нищих [5; 39]. Указ этот неоднократно подтверждался на протяжении XVIII и XIX веков; исполнение его привело к тому, что в большинстве случаев свечи в часовни для праздников брали из приходской церкви в долг, после же возвращали деньги за проданные свечи.

Отсутствие при часовнях пивных котлов объясняется не только тем, что они могли быть перенесены в дома крестьян, но и тем, что большие, «пивные», праздники в XVIII–XIX веках стали праздновать у приходской церкви. В одном из частных дел 1690–1691 годов о передаче часовенной утвари «на строение» церкви указано: «... в деревне Козловке есть часовня, а у ней пашенная земля, и сенные покосы, и поварня, и котел, и крестьяне де, пиво варя, пьют и драки, и шумы чинят, и всякие худые дела». Котел был перенесен в церковь Знамения Богородицы в Старом Карсавино, однако, поскольку на месте часовни предполагалось построить церковь, крестьяне деревни Козловки обратились к Великоустюжскому архиепископу Александру с просьбой вернуть все, кроме икон, в том числе «медной котел и поваренную посуду» [4; 992–996]. Изменение места проведения праздников способствовало увеличению доходов приходских церквей, а также более тщательному церковному и полицейскому надзору за прихожанами, хотя и у церкви вплоть до начала XX века еще продолжались «драки и шумы», характерные для крестьянских праздников [11; 142].

Наибольшие различия можно наблюдать в способах оформления интерьера часовен и номенклатуре икон. Что касается количества изобра-

жений, то в конце XVII века в почти половине часовен (47 %) находилось от одной до трех икон, из них в большей части – в 92 часовнях – только одна праздничная икона. В новой описи мало бедных интерьером часовен, а часовен с одной иконой нет вообще. Часовни почти равномерно делятся на три группы, в первой из которых находится от 3 до 6 икон (6 часовен), во второй – от 7 до 9 икон (10 часовен), в третьей – от 10 до 26 икон (6 часовен). Такая статистика говорит об упразднении большинства бедных часовен с малым количеством икон, поскольку содержание их становилось непосильным вследствие введения новых налогов и других причин. Но, с другой стороны, сохранившиеся после указов 1720-х годов часовни стали более важными центрами крестьянской жизни: они начали украшаться большим количеством икон, а сами иконы – медными окладами, венчиками и цатами, полотенцами и отрезами ткани (пеленами), отмеченными почти во всех часовнях. Устоялся порядок оформления интерьера часовен, приблизившийся к чину оформления церковного иконостаса. Первый, нижний ряд по-прежнему занимали местные иконы с наиболее чтимой, праздничной иконой посередине, однако второй ряд почти во всех часовнях (в 17 из 22) представлен деисусом в 3, 11, 13, 15, 17 или 18 лицах, что соответствует второму, деисусному ряду иконостаса церковного. В переписи 1692 года деисусные изображения находились только в четверти из всех часовен.

Среди представленных в часовнях икон большее место стали занимать различные изводы богородичных, относительно мало распространенные в конце XVII века; так же, как и в XVII веке, много икон св. Георгия, Власия, Флора и Лавра, Ильи-пророка – покровителей скотоводства и сельскохозяйственных занятий. К новым иконам относятся изображения Богородицы «Всех скорбящих Радость», патриарха Модеста, Александра Ошевенского, Никодима Кожезерского, Михаила Клопского, Агапита, Харлампия, Кирика и Улиты, Алексея, человека Божия. Эти иконы не отмечены в часовнях конца XVII века.

О появлении культа св. Модеста как покровителя домашнего скота сохранились документальные сведения, относящиеся к 1723 году. К этому или немного раннему времени относится доношение местного инквизитора о явлении в Важеском уезде святого Модеста, «будто бы он явлением своим скотов падеж укротил» (речь, конечно же, идет о явлениях иконы), в связи с чем было проведено расследование. Саму явленную икону не нашли, однако «означились в том уезде у обывателей писанные многие святого Модеста, патриарха Иерусалимского... образы со изображением при нем скотов» [7; 210]. Этот извод, перекликающийся с изображениями св. Власия или св. Флора и Лавра, был запрещен Синодом, од-

нако почитание св. Модеста в качестве покровителя стад и домашнего скота сохранилось, что демонстрируют посвящения часовен (все 3 часовни во имя Модеста поставлены по завету от падежа скота, одна из них – в деревне Тимошенской – в 1722 году; не к этому ли времени относится и легенда о явлении иконы?) и распространение икон с изображением этого святого. Во имя Модеста перепосвящали часовни после падежа скота и позже, на рубеже XVIII–XIX веков [13; 306], что говорит об устойчивой сформировавшейся традиции. Этой же причиной было обусловлено посвящение часовен и иконы с изображением св. Варвары, в конце XVII века представленных одним образом с многофигурной композицией, а ныне отмеченных в посвящении деревенской часовни (деревня Чешевская [2; 20 об.]). В этой же часовне стояла икона с изображением св. Власия и Варвары, что указывает на преимущественное обращение к великомученице как покровительнице домашних животных. Второе посвящение, как правило, соответствует новому заветному празднику, который решают отмечать в деревне после какого-либо события; соответственно, посвящение во имя св. Варвары можно считать установленным после падежа скота для благополучия поселения.

Харлампий также является святым покровителем земледельцев и скотоводов, защитником от голода и мора, подателем здоровья и изобилия, исцелителем скота [15; 27]. Не случайно его изображения перечислены рядом с изображениями Модеста, Власия, Зосимы и Савватия и присутствуют только в иконографической схеме «моления»: Саваофу, Спасу, Богородице или св. Николаю, у которых св. Харлампий как бы испрашивает милости [2; 11, 14, 15 об., 16 об.]. С сельскохозяйственными культами связано почитание св. Агапита (на иконе изображен в молитве Саваофу в купе с Модестом, Власием и Алексеем [2; 14 об.]), которое, вероятно является изображением Агапита Исповедника (Синадского, день памяти 18.02/3.03), прославившегося чудесами исцеления людей и домашнего скота, а также помощью земледельцам.

В появлении образов Александра Ошевенского и Никодима Кожезерского несомненно видно влияние насельников Кожезерского монастыря – они находились в часовне деревни Петровской Кожской волости, в которой монастырь играл роль духовного центра.

Опираясь на данные, содержащиеся в этой небольшой описи, можно отметить появление и распространение в первой половине XVIII века новых культов святых – покровителей скота и сельского хозяйства, не представленных вовсе или имевших небольшое значение в конце XVII столетия. В целом функции часовен по-прежнему были направлены на обеспечение благосостояния сельской общины, проведение мо-

лебнов о защите стад и урожая от случайной гибели. В отношении часовен как локальных святынь отмечается двоякая тенденция: с одной стороны, они стали богаче украшаться, усилилась их связь с приходской церковью, но с другой стороны, уменьшение общего количества часовен и исчезновение небольших построек

привело к уменьшению типологического разнообразия среди этих культовых зданий. Интерьер сохранившихся или вновь возведенных построек обустроивался по единообразной схеме, состоящей из местного и деисусного чинов, в чем также можно усматривать проявление влияния церковных канонов.

ИСТОЧНИКИ

1. Акты Холмогорской епархии. Переписные книги часовен в Важском уезде и в Устьянских сохах. Марта 20 – июня 29. 1692 // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. XXV. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. III. СПб., 1908.
2. Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 805. Инвентарные описи часовен Каргопольского уезда. 1752 г.
3. ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 73. Донесения с мест архиепископу Феодосию о разобраннии деревянных и каменных часовен по указу Петра I и об оштрафовании виновных в неисполнении указа. Июнь – октябрь 1722 г.
4. Об отобрании у часовни деревни Козловки икон, книг, денег, письменных крепостей и всех статков... // РИБ. Т. XII. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. I. СПб., 1890.
5. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания (далее – ПСПР). Т. I, 1721 г. СПб., 1879. С. 39. См. также: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. I. СПб., 1868.
6. ПСПР. Т. II, 1722 г. СПб., 1872.
7. ПСПР. Т. III, 1723 г. СПб., 1875.
8. ПСПР. Т. V, 1725–1727 гг. СПб., 1881.
9. ПСПР. Т. VIII, 1733–1734 гг. СПб., 1899.
10. ПСПР. Т. X, 1738–1741 гг. СПб., 1911.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 120–147.
12. Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет существования и вообще русской церкви в конце XVII в. СПб., 1908.
13. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I. Уезды Архангельский и Холмогорский. Архангельск, 1894.
14. Лютикова Н. П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII–XIX вв. // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 148–164.
15. Малицкий Н. В. Древнерусские культы сельскохозяйственных святых по памятникам искусства // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. XI. Вып. 10. Л., 1932.
16. Мелехова Г. Н. Северорусские православные обряды, обычаи и традиции, связанные с часовнями (по полевым материалам Каргополя и Кенозерья) // Народный костюм и обрядность на Русском Севере. По материалам VIII Каргопольской научной конференции. М., 2005. С. 7–39.
17. Мелехова Г. Н. Православные часовни Русского Севера в XX веке (по полевым материалам Каргополя и Кенозерья 2000-х гг.) // Традиции и современность. 2006. № 4. С. 69–96.
18. Перовский В. О сборах с церкви и духовенства, существовавших в Холмогорской епархии до 1730 г. Архангельск, 1895.